

ГОРОД КАК ТЕКСТ

О.С. Карнаухова

...Родной наш город Глупов... в согласность древнему Риму, на семи горах построен, на коих в гололедицу великое множество экипажей ломается и столь же бесчисленно лошадей побивается.

Разница в том только состоит, что в Риме сияло нечестие, а у нас – благочестие, Рим заражало буйство, а нас – кротость, в Риме бушевала подлая чернь, а у нас – начальники.

М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города

Краткое предисловие

Город зачастую представляется как разновидность самоорганизующегося хаоса, либо как отражение культуры. Гораздо более редкими являются исследования города как конституирующего элемента социально-политического процесса культурного воспроизводства и изменения [Duncan, 1990]¹. При этом на протяжении долгого времени, в 1980–1990-х годах интерес культурных географов был обращен не к культурной составляющей города, а к географическому распространению артефактов – типов домов, специфике ландшафтного планирования и т. д. Артефакты описывались как данность. С другой стороны, такие описания противопоставлялись теориям урбанизма, которые в свою очередь представлялись как некая абстракция, следовательно, далекими от описания реального мира. Всё же описания не являются прямым отражением реальности, но конструируются в пределах языка и интеллектуальной принадлежности тех, кто описывает.

Мы исходим из предположения, что город – всегда результат политической интенции, выраженной зачастую в форме различных соревнующихся между собой проектов и текстов. Город развивается и изменяется не только с помощью физических усилий и сил, но и благодаря особому культурному и социальному видению. Данный тезис по-разному обосновывается участниками дискуссии, которые исследуют городское пространство, имея в виду его тысячелетнюю историю и современное состояние. Мы намеренно бросаем вызов разрыву между теорией и практикой урбанизма, что открывает простор для обсуждения вопроса взаимодействия между идеями и реальными условиями их реализации – историческими, политическими, географическими и пр.

Карнаухова Оксана Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, oskarnauhova@sfedu.ru.

¹ Duncan James S. *The City as Text. The Politics of Landscape Interpretation in the Kandyan Kingdom*. Cambridge University Press, 1990. 231 p.

В дискуссии принимают участие исследователи, принадлежащие разным дисциплинарным областям – культурной географии, архитектуре, экологии, истории. И это дает возможность увидеть не только объект под разными углами зрения, но и «контекстуальность» исследовательских концепций и практик.

Ключевые слова: урбанизм, джентрификация, городской текст, экономика впечатлений, эко-город, агломерация, эко-утопия.

Вопросы дискуссии:

1. Что можно понимать под городским «текстом» и конструированием городских смыслов?
2. Неизбежно ли развитие мегаполисов как центров экономической и социокультурной жизни? Какова роль в этом процессе новых средств связи и коммуникации?
3. Возможна ли джентрификация в городе? Каковы методологические подходы к данному феномену?
4. Власть – горожанин – эксперт: существуют ли различия в репрезентативных практиках городского пространства?
5. «Здесь будет город-сад»: какова роль утопии в современном городе?

Участники:

Александр Рифатович Водяник, член общественного совета главы администрации Ростова-на-Дону, эколог, эксперт КБ «Стрелка» по Ростову-на-Дону;

Лоретта Лиис, профессор географии университета Лестера (Великобритания);

Инга Владимировна Маслова, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института Казанского федерального университета;

Мария Викторовна Братолюбова, доцент кафедры отечественной истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Южного федерального университета;

Татьяна Александровна Батырова, член правления Ростовского отделения Союза архитекторов России.

THE CITY AND THE TEXT

O.S. Karnaukhova

Short Introduction

City is often rendered as a kind of self-organizing chaos, or as a reflection of culture. There are much more rare studies of city as a constitutive element of the socio-political process in cultural reproduction and change [Duncan, 1990]. Thus for a long time, in 1980–1990s the interest of cultural geographers was directed toward the cultural component of a city, and to the geographical distribution of artifacts, types of houses, the specifics of landscape planning, etc. On the one hand, artifacts were described as given for granted. On the other hand, such descriptions contrasted with theories of urbanism, which, in turn, were presented as abstractions, and therefore, far from describing the real world. Yet, these descriptions are not a direct reflection of reality, but constructed within language and intellectual facilities of those who describe.

We assume that a city is always the result of political intention, often expressed in the form of various competing projects and texts. The city is developed and changes not only through physical efforts and forces, but also because of specific cultural and social vision. This thesis is variously justified by participants who explore the urban space, referring to its millennial history and current status.

We persistently challenge the gap between theory and practice of urbanism, which leaves floor for a discussion on the interaction between ideas and actual conditions of urban realization in historical, political, geographical dimensions.

The discussion involves researchers belonging to different disciplinary fields – cultural geography, architecture, ecology, and history. That gives us an opportunity to see the object not only through the different lenses, but also “contextuality” of research concepts and practices.

Keywords: urbanism, gentrification, urban text, economy of impressions, eco-city, agglomeration, eco-utopia.

Karnaukhova Oxana S., Candidate of Science (Philosophy and Cultural Studies), Associate Professor at the Department of the World History and International Relations, Institute of History and International Relations of Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, oskarnaukhova@sfedu.ru.

Questions of discussion are following:

1. What could be as a “City text” and construction of the “urban meaning” understood?
2. Is the development of megapolises as centres of economic and sociocultural life inevitable? What is the role of new technologies in this process?
3. Is gentrification in the urban space universal? What kind of methodological approaches could be to this phenomenon applied?
4. Power – citizen – expert: are there any differences in the representation practices of the urban space?
5. “And here will be the city-garden settled”: what is the role of utopia in the modern city imaginary?

Disputants:

Alexander R. Vodyanik, member of the Public Council, Rostov-on-Don City Administration, environmentalist;

Loretta Lees, professor, FAcSS, FRSA, Chair of Human Geography, Department of Geography, University of Leicester;

Inga V. Maslova, professor at Elabuga Institute of Kazan Federal University;

Maria V. Bratolyubova, associate professor of the Institute of History and International Relations at Southern Federal University;

Tatiana A. Batyrova, member of the Rostov branch Board in the Union of architects of Russia.

К вопросу об «идее города»

А.Р. Водяник

1. Что можно понимать под городским «текстом» и конструированием городских смыслов?

Что такое смысл? Смысл в системе координат общественного сознания – это траектория прохождения мысли от одного понятия к другому. То есть, к примеру, говоря об «экономике впечатлений», мы тем самым сообщаем мысль, которая выражает определенный смысл. Мысль – это траектория движения образов в сознании, закреплённая понятиями, выраженными словами. Она не обязательно точно сформулирована, и не всегда эта траектория, или волна, или форма движения образов, подлежит формулировке. Для точного словесного выражения мысли требуется направить внимание в область ее существования. То есть, когда произносится словосочетание «экономика впечатлений», то имеется в виду, что между этими двумя понятиями есть связь.

Теперь о городе, если про городские смыслы. Первичная качественная характеристика города – это наличие городского сообщества. Того «самосознающего сообщества, способного выступать как сложная сеть групп, клубов, сил давления, имеющих законные формы выразить свои мнения публичным образом, вырабатывающих собственную культурно-экономическую политику» (В. Глазычев). Без него город – негород, недогород. Если раньше успешную модель развития города могли обеспечить себе города, связанные с добычей ресурсов, имеющие уникальные производства, города, являющиеся центром большой территории, то в XXI в. основным ресурсом развития – это люди, качественный человеческий потенциал. И тут является вопрос о соотношении «идеи города», т. е. его символического содержания, и представлений о городе городского сообщества, а в методологической перспективе – отдельных агентов городской жизни. При этом текст определяется двояко.

Водяник Александр Рифатович, член общественного совета главы администрации Ростова-на-Дону, эколог, член общественного совета по вопросам ЖКХ, эксперт по озеленению территорий, эксперт КБ «Стрелка» по г. Ростову-на-Дону, vodianic@mail.ru.

Vodyanik Alexander R., Member of the Public Council, Rostov-on-Don City Administration, Environmentalist, Member of the Public Council for Housing Affairs, Expert for Urban Greening, Expert of the Design Bureau "Strelka" of the Rostov-on-Don City, vodianic@mail.ru.

Во-первых, текст как система высказываний – семиотическая (знаково-символическая) модель мотивированной активности, «застывший смысл», который существует в двух видах: город как система семантических структур – знаковых образов городской среды и город как система социо-лингвистических структур – языковых сообществ. Во-вторых, текст как смыслопорождающая структура – текстовая деятельность, деятельность по созданию знаковых структур – смыслопорождающая деятельность, которая существует в виде диалогов и дискурсивных практик городских сообществ. «...Думаем, что к осознанию миссии и выработке стратегии города можно прийти только путем организации коммуникации, так как и миссия, и стратегия есть производные от понимания места и его истории или исторической ситуации, мировых глобальных тенденций, касающихся развития устройства самого города, возможностей работать с ресурсами своего развития». Представляется, что можно различать два уровня текстов: текст всей среды города в слитности территориального (культурный ландшафт) и пространственного (события духовной жизни) аспектов – семантика городской среды, смысловое звучание мест, «дух города» и его «настроение»; тексты городских сообществ. Разные городские сообщества говорят на разных языках. И нет в наших городах ничего или никого что или кто выступил эдаким «переводчиком». Общество – это пространство циркуляции смыслов и смыслы являются средой и предметом коммуникации. Создаются соединения, которые образуют новые очертания движения смыслов, в результате чего может замедляться или ускоряться процесс преобразований в обществе на уровне социальных, политических или экономических моделей описания.

Города подобны книгам – их нужно научиться читать. Научившемуся они говорят правду даже тогда, когда пытаются солгать.

2. Неизбежно ли развитие мегаполисов как центров экономической и социокультурной жизни? Какова роль в этом процессе новых средств связи и коммуникации?

Конечно, возможно. Насчет неизбежности не был бы столь категоричен. Слишком много барьеров на этом пути у российских потенциальных городов-миллионников. Но допустим, что будут предприняты кардинальные изменения, и в рамках экономической жизни станет вполне возможным создание агломераций, и к этому толкают сегодня правительственные экономисты. Но если рассматривать в рамках социокультурной жизни, то сомнения преобладают. Так как скорее всего такие мегаполисы не будут городами. Процитирую книгу В. Глазычева «Город на все времена»: «...Москва – негород. Почему? Потому что критическая величина собственно города, в котором возможно единое сообщество, была превзойдена уже двадцать пять-тридцать лет назад. Та критическая величина, за которой любые социальные группы распадаются на подгруппы, которые никогда не встречаются. Тогда я знакомлюсь с людьми, с которыми должен был бы быть знаком по роду

своих занятий, по Интернету, через компьютерный журнал, издаваемый в американском Сиэтле или в Петербурге. Это проблема всех метрополий. Осознающие себя метрополии вовлечены в мучительную борьбу за то, чтобы удержать в себе городское начало. В чем эта борьба заключается? Это когда негород решает, что вот это место, скажем центральное ядро, это и есть город, а всё остальное – десятки слобод, миллионы спальных мест, гектары заводов, складов и торговых центров. Тогда-то негород начинает вкачивать невероятные ресурсы – и денежные, и энергетические, и человеческие – для формирования нового социального центра, как бы бессмысленного центра. Этим двадцать лет был поглощен Париж, этим занята мэрия Москвы.

Таким-то образом из пропасти, вызванной чудовищным экономическим кризисом, выбрался город Детройт. Когда рухнула вся тяжелая промышленность, Детройт “лег”, а сейчас это единственный мне известный город, в котором на набережной стоит памятник программе развития, принятой тридцать лет назад. Так вот Детройт принял программу стать городом и стал им, правда стряхнув при этом сорок процентов населения, оказавшихся в городе лишними. Это был мучительнейший процесс. Вена сейчас переживает нечто подобное».

3. Возможна ли джентрификация в городе? Каковы методологические подходы к данному феномену?

Джентрификация – процесс, при котором более зажиточные люди оказываются заинтересованными в том, чтобы жить в том или ином районе. Посредством механизмов рыночной экономики они добиваются такого роста цен, что бедные люди вынуждены съезжать из этого района. Очевидно, что главная предпосылка для джентрификации – спрос и предложение на рынке, которые складываются таким образом, что бедняки больше не могут себе позволить находиться в данной квартире. В этом случае, конечно, необходимо, чтобы цены на недвижимость были слабо регулируемы, а структура собственности в гипотетическом городе должна быть исключительно частной. В чисто рыночной среде джентрификация происходит автоматически. Но во многих городах мира нет таких чисто рыночных моделей. Так, в Германии есть закон о квартирной плате, и частью недвижимости – социальными домами – владеют муниципалитеты. Если бы кто-то пожелал джентрифицировать, например, Ростов-на-Дону, ему бы понадобилось создать чисто рыночные условия. А если бы кому-то захотелось остановить джентрификацию или сделать ее управляемой, тогда нужно было бы отрегулировать цены на аренду недвижимости и поменять структуру собственности. Джентрификация стоит на двух китах: возможности передачи прав собственности на недвижимость и доступности капитала. Обе составляющие принимаются как само собой разумеющееся в западных учениях, они являются самоочевидными. Есть капиталистическая собственность – и людей так или иначе можно переместить. И также принимаются как должное интерес инвесторов, возможность вложить капитал и получить прибыль. И обе составляющие

не очевидны в постсоветских странах, в частности в России. В России это отчасти связано с приватизацией: когда квартиры в основном отошли тем людям, которые жили в них после 1991 года. То есть зачастую люди становились владельцами престижных квартир не потому что они богаты, а потому что они там жили. И даже если бы они захотели элитно обустроить свою квартиру, у них не хватало бы экономических возможностей.

4. Власть – горожанин – эксперт: существуют ли различия в репрезентативных практиках городского пространства?

В процессе осознания взаимозависимости между образом города как проектом его развития и жизненными планами городских сообществ происходит переход от парадигмы социотехнического проектирования «советского города» – «люди для города», к парадигме социокультурного проектирования «постсоветского города» – «город для людей». В соответствии с этим в городе формируются социальные роли горожан, а на их базе коммуникационное пространство. Но в современной российской городе каждый горожанин – «сам себе режиссер». И в этом главная проблема развития этих городов. Это не допускает передачу тех самых смыслов города, навыков чтения города.

Очевидно, что без этого понимания (не говоря уж об управлении) городской жизнью, основанного на познании коммуникативных процессов, ни о каком развитии говорить не приходится. Особенно если воспринимать под развитием – развитие ранее доминирующих в этом городе, тех, кто является носителем образа/ов города, городских текстов. Для этого необходимо обратить внимание на то, что город – это «образ города», различный для разных участников городского сообщества – символических агентов городской жизни.

Примером может служить российский город Мышкин. Если в маленьком городе Мышкине, что на Верхней Волге, обнаруживается замечательный музей, созданный тридцать лет назад и успешно работающий по сей день, ясно, что вся «элита» городка воспитана этим музеем в традиции любви к своему месту и его окрестностям, и с этим городом можно сотрудничать. Или если среди страшноватых кварталов какого-нибудь провинциального города вдруг видна чистая, ухоженная улочка со сквером, где не сломаны качели, можете не сомневаться: это место, где сами жители объединились, взяли дело очеловечения своей среды в собственные руки, в этом им помогли профессиональные консультанты и, только после этого (после долгой и трудной борьбы), – городские власти.

5. «Здесь будет город-сад»: какова роль утопии в современном городе?

В XX в. утопии кардинально сменили курс. Сегодня надо говорить о замене исконной утопической формулы «прекрасного мира» либо компромиссной формулой

«мира лучшего, чем наш», либо апокалиптической формулой «мира, который выживет», о включении конфликта, напряжения, агрессии в картину будущего. У «утопии выживания» нет традиционных качественных этических и эстетических определений будущего: «светлое», «прекрасное» и т. д. Но во всех случаях речь ведется о взаимоотношениях людей. «Утопия всегда понималась как полная гармония в отношениях между людьми. Для мудрецов древности она была необходимо несбыточным идеалом, к которому вечно стремится человек, но который по самой природе своей недостижим. А теперь мы высокомерно заявляем, что хотим преодолеть этот разрыв, сделать идеальное реальным. Эта установка ограничивает перспективы идеала, и сама идея утопии блекнет», – писал Д. Белл.

В утопии XX в. есть тема, проходящая сквозь три столь разных ее типа: «социальный», «религиозный» и «научный». Эта тема *города*, городской культуры, тема исконно и принципиально утопическая: издавна город был фокусом мрачных антиутопических фантазий. От образа чудовищного Вавилона отталкивалось воображение авторов пасторальных утопий подобия «города-сада». В XX в. отношение к городу изменилось. Пока западные интеллектуалы не бросились от технократического и сциентистского романтизма к проклятиям научно-технической революции, в урбанизме виделся тот архимедов рычаг, которым можно планомерно и постепенно упорядочить и возвысить человеческую жизнь. Ярчайшим выразителем такой позиции был великий строитель XX в. Ле Корбюзье. Возникший в кругу его единомышленников афоризм «человек – животное геометрическое» остался памятником преувеличенных надежд на архитектурный дизайн и той деформации гуманитарного сознания, к которым они привели. А уже в 70-х гг. XX в. утопия предстала как *идеология проекта*, ставшая верой и надеждой целого поколения философов, дизайнеров, архитекторов. Но лежавшая в основе всякого изобретательства установка на совершенство превращала проектное сознание всё в ту же утопию, а художественность оформления проектов создавала «техническую эстетику» – ценностно завершенную систему образов. «Так, – пишет историк и теоретик архитектуры Макдональдс, – проектное сознание, сформировавшееся в контексте урбанизма и дизайна, вернулось в лоно утопии». В этом превращении технического сознания в социальное воображение исключительную роль сыграла идеология экологического кризиса: она переориентировала цель проектирования с возвышения человека над средой в соединение человека со средой на условиях оптимальных не только для него, но и для среды. Экоутопия, противопоставляющая заповеди «Расти или погибнуть» девиз «Не расти, чтобы выжить», – не была, однако, цельной. Ее идейное поле во многом пересекалось с полем техноутопии: и та, и другая упали не на классические научные истины и не на метафизику добра, а на «мудрость» – на прикладной, ситуативный сплав знания, умения и веры. Утопическая инициатива, традиционно принадлежавшая просвещенному властителю, великому ученому или благородному герою, перешла к «рабочей группе» – проектировщикам, расчетчикам, операторам, среди которых обязательно наличие сверхчувственно одаренной, гениально интуитивной личности – «синтезатора идей», «преемника» сигналов из будущего. Что, безусловно, отражается на городском сообществе и его эволюции, а значит и на развитии постиндустриального города.

Глобальна ли джентрификация? Is Gentrification Global?

Л. Лиис

1. What could be as a “City text” and construction of the “urban meaning” understood?

Что можно понимать под городским «текстом» и конструированием городских смыслов?

Imagining the city is shown to take place through the realm of discourses, involving a variety of “texts”, different media and varying representational forms, including metaphors, symbols and dreams. These combine to produce ‘cities of the mind’. A selection of texts, including literary and visual, can be used to explore the ideologies of space and urbanity that frame representations of the city. The texts themselves must be examined in relation to cultural meaning and authorial power. Representations of the city not only reflect something of its present reality but also help to produce that reality in their own image. Urban meaning is constructed through texts in the city. But the city as text can also be read through policy reports and planning documentation, these are elite texts socially constructed by built environment professionals; they are always political.

Представление о городе проходит сквозь пласты дискурсов, включая разнообразные «тексты», различные медиа и репрезентативные формы, такие как метафоры, символы, сны. Всё это вместе и производит «городские смыслы». Отбор текстов, как письменных, так и визуальных, может быть использован для исследования пространства и урбаничности, которые и формируют репрезентации города. Собственно тексты должны исследоваться в отношении культурного значения и власти. Репрезентации города не только отражают текущую реальность, но также помогают производить реальность в их собственных образах. Городской смысл конструируется в текстах города. Но город как текст может прочитываться в аналитических отчетах, документах городского планирования, всё это – официальные тексты, которые социально конструируются профессионалами городской администрации; и они всегда политические.

Лоретта Лиис, профессор географии, заведующая кафедрой демогеографии Университета Лестера, Лестер, LE1 7RH, Великобритания, loretta.lees@leicester.ac.uk.

Loretta Lees, Professor, FAcSS, FRSA, Chair of Human Geography, Department of Geography, University of Leicester, Leicester, LE1 7RH, UK, loretta.lees@leicester.ac.uk.

2. Is the development of megapolises as centres of economic and sociocultural life inevitable?

Неизбежно ли развитие мегаполисов как центров экономической и социокультурной жизни? Какова роль в этом процессе новых средств связи и коммуникации?

The literature on planetary urbanization, embedded in Marxist readings of the city makes it clear that urbanization is the future trajectory of capitalism and the bigger the city the more successful it is seen to be as a centre of economic but also social and cultural life.

What is the role of new technologies in this process?

As with all new technologies this is hard to predict but smart cities and eco cities are already trying to stay ahead of the technological curve with respect to computer and environmental technologies. The driverless car is one technology that planners are looking at currently, trying to predict its impact in the future city.

Литература по глобальному урбанизму, основанная на марксистском прочтении города, демонстрирует, что урбанизация – это будущая траектория капитализма, и чем больше город, тем более успешным он выглядит с точки зрения не только экономической, но социальной и культурной жизни.

Какова роль технологий в этом процессе?

С присутствием всех новых технологий сложно предсказать возможное развитие, однако «умные города» и «эко-города» уже стремятся быть в центре технологической волны, сопрягающей среду и компьютерные технологии. Машина без водителя, “driverless car”, – та технология, на которую сейчас ориентируются городские планировщики, пытаются предсказать влияние технологии на будущее города.

3. Is gentrification in the urban space universal? What kind of methodological approaches could be to this phenomenon applied?

Возможна ли джентрификация в городе? Каковы методологические подходы к данному феномену?

In my recent book *Planetary Gentrification* (co-authored with Hyun Bang Shin and Ernesto Lopez-Morales, Polity Press, Cambridge 2016) we argue that there is not a singular universal gentrification, gentrification has not simply gone global, rather there are gentrifications around the world that share similarities but also differences. We show how gentrification did not go global, eg spread north to south or west to east, for gentrification was happening in for example, South Korea at the same time as in the West. Where gentrification has gone universal is in the fact that it is now seen as a blueprint for the successful future of cities world-wide, from Lagos in Nigeria to Istanbul in Turkey.

To research gentrification you need both quantitative and qualitative skills, you also need a clear sense of urban economics and also the politics of policy making. We all know now what gentrification is, why it occurs etc, the goal now is to come up with alternatives to this socially unjust and socially unsustainable process/policy.

В своей недавней книге «Глобальная джентрификация» (совместно с Юн Бэнг Шином и Эрнесто Лопес-Моралесом, Polity Press, Cambridge, 2016) мы доказываем, что не существует единой глобальной джентрификации; джентрификация не стала глобальной, скорее существуют джентрификации в мире, которые имеют как сходство, так и различия. Мы показываем, что джентрификация стала глобальным явлением не благодаря распространению с севера на юг и с запада на восток, а скорее как одновременный процесс, например, джентрификация в Южной Корее происходила одновременно с таким же процессом на Западе. Универсальность джентрификации можно фактически увидеть в качестве проекта для успешного будущего городов всего мира, от Лагоса в Нигерии до Стамбула в Турции.

Чтобы изучать джентрификацию, необходимы методы как количественные, так и качественные, а также ясное представление об урбанистической экономике и политике принятия решений. Мы все знаем, что есть джентрификация, почему она происходит и т. д., и сегодня цель состоит в изучении альтернатив столь несправедливому и социально нестабильному процессу/политике.

4. Power – citizen – expert: are there any differences in the representation practices of the urban space?

Власть – горожанин – эксперт: существуют ли различия в репрезентативных практиках городского пространства?

Citizens and experts, or non-elites and elites, as they are known in urban studies, of course have power differentials; but citizens on the ground often know their city better than experts who view it from on high.

Горожане и эксперты, или элиты и не-элиты, как они известны в урбанистике, конечно, имеют различные дифференциалы власти. Но горожане, находясь «на земле», знают город лучше, чем эксперты, кто смотрит на город сверху.

5. “And here will be the city-garden settled”: what is the role of utopia in the modern city imaginary?

«Здесь будет город-сад»: какова роль утопии в современном городе?

Modern utopias like garden cities come in and out of flavor and fashion over time. Under the previous UK Coalition government Garden Cities reemerged as a solution

to the housing crisis here, like they did after the second world war. But of course they eat up greenfield land and environmentalists are opposed to them, as much as they offer quality of life in city living.

Post the Grenfell Tower fire here in London the modernist utopia of the towerblock or highrise is again under attack, but can we compare disinvested, high rise public housing with highend highrises like the Shard in London? It is quality of construction and upkeep that counts.

Современные утопии, такие как город-сад, становятся популярными и выходят из моды со временем. При предыдущем коалиционном правительстве в Великобритании города-сады вновь возникли как решение кризиса на рынке жилья, как когда-то после Второй мировой войны. Но конечно, такие города «съели» часть зеленого фонда, и защитники окружающей среды были категорически против, настолько, насколько они предлагали рамки качества жизни в городах.

После пожара в Грифин-Тауэре в Лондоне модернистская утопия небоскребов высоток вновь подверглась атаке. Но можем ли мы сравнивать дешевое, высотное социальное жилье с такими небоскребами, как Шард в Лондоне? Качество строительства и качество ремонта зданий – вот что имеет значение.

Городские смыслы и современная урбанизация

И.В. Маслова

1. Что можно понимать под городским «текстом» и конструированием городских смыслов?

Создание и наличие смыслов является существенным условием конкурентоспособности и узнаваемости современного города. Необходимость изучения смыслодержающих конструкций городской среды заключается в том, что они: во-первых, выступают как формы, опосредующие объективную реальность; во-вторых, являются элементами, конструирующими политическую, экономическую культурную и т. д. действительность.

В общественных науках выработана целая группа терминов для описания смысловой (символической) составляющей городской или иной общественной среды: нарратив, образ, менталитет, идеи, символы, мифы, и т. д. Человек способен быстрее осваивать (принимать, не принимать, сохранять нейтральную позицию) социальную (в том числе городскую) среду на основе редукции символов и смыслов.

На наш взгляд, понятие «городской текст» более широко используется в литературоведении. Литературоведы вкладывают в понятие «городской текст» описание различных сторон городской жизни в литературно-художественных произведениях: «Каждый автор видит город по-своему в силу разных и вполне логичных причин: психология, биография, социальный статус, личный опыт, накопленный писателем на данный момент, темперамент, наконец, – все эти факторы самым непосредственным образом влияют на восприятие среды обитания и, как следствие, на ее описание. В разных произведениях авторы акцентируют внимание на разных аспектах городской жизни» [Потанина, Гололобов, 2012]. В то время как понятие «городской смысл» – это поле исследования психологов, социологов, историков.

Маслова Инга Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института Казанского федерального университета, Республика Татарстан, 423600, г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89, imaslovainga@gmail.com.

Maslova Inga V., Doctor of Science (History), Professor at the Elabuga Institute of Kazan Federal University, Republic of Tatarstan, 89, Kazanskaya St., Elabuga, 423600, Russia, imaslovainga@gmail.com.

Несмотря на очевидные тенденции глобализации, создания единого информационного поля, что, несомненно, приводит к стиранию четких границ между городами столичными и провинциальными, российскими и зарубежными, каждый город остается носителем собственного «городского смысла». Говоря языком обывателя, сохраняет традиции, образ мысли и жизни горожан. Среди лежащих на поверхности маркеров, остающихся основными ориентирами восприятия города, можно выделить следующие характеристики города, такие как: исторический, культурный, экономический, административный центр. Серьезное влияние на конструирование городских смыслов имеет исторический период. Например, в советское время город Елабуга позиционировался как город нефтеразведчиков, нефтяников. Сегодня это туристический центр, и главным маркером городского смысла становится тысячелетняя история города.

Таким образом, конструирование городских смыслов происходит в исторической ретроспективе.

2. Неизбежно ли развитие мегаполисов как центров экономической и социокультурной жизни? Какова роль в этом процессе новых средств связи и коммуникации?

Дискутируя о развитии процессов урбанизации в современной России, нужно в первую очередь говорить о формировании городских агломераций, на основе которых в дальнейшем возможно формирование мегаполисов. При этом мы должны осознавать, что понятие «мегаполис» не ограничивается огромными территориями и большим количеством населения в нем проживающего. Мегаполис это в первую очередь новая социокультурная общность людей, новое ментальное образование, существующее в рамках огромного коммуникативного поля, участники которого должны быть готовы к выстраиванию диалогов между собой.

Городское пространство мегаполиса чрезвычайно перегружено: высотные здания, автотранспорт, большое скопление народа, – всё это вызывает проблемы с адаптацией в нем. В силу психологических особенностей не все способны «принять» невероятно насыщенную повседневность мегаполиса.

Одним из главных положительных отличий мега-города от небольшого населенного пункта традиционно считалось отсутствие возможности организации интеллектуального досуга в последнем. Но при наличии эффективной системы коммуникации интеллектуальный и культурный досуг становится доступным большинству населения страны вне зависимости от места проживания.

В условиях мегаполиса серьезно осложняется экологическая ситуация. Сосредоточение на ограниченной территории большого количества предприятий и транспортных средств приводит к атмосферным и шумовым загрязнениям, возникают проблемы с утилизацией отходов.

Всё вышесказанное позволяет надеяться, что мегаполисы не станут неизбежностью процессов урбанизации XXI в.

3. Возможна ли джентрификация в городе? Каковы методологические подходы к данному феномену?

Определяя терминологическое значение понятия джентрификации, мы понимаем, что оно происходит от английского джентри (*gentry*). Джентри – нетитулованное «новое» дворянство, сформировавшееся в Англии в период огораживаний в противовес «старому» дворянству – английской аристократии. Очевидно, что в процессе джентрификации речь идет о замене «старого» (скорее, устаревшего) на «новое». В современных исследованиях под джентрификацией понимают: во-первых, процессы преобразования заброшенных городских территорий в элитные городские районы; во-вторых, процесс переселения состоятельных граждан в районы города, ранее населенные представителями малообеспеченных слоев общества (этнические меньшинства, неквалифицированные рабочие).

В первом случае чаще всего происходит преобразование определенного городского района (заброшенной промышленной или исторической зоны) за счет создания особой инфраструктуры и культурной привлекательности. Во втором – процесс джентрификации как правило осложняется социальными конфликтами, вызванными «выдавливанием» с территориально привлекательной городской зоны населения, чей социальный и финансовый статус не соответствует формирующемуся элитарного району.

Феномен джентрификации города характерен, на наш взгляд, для США и ряда стран Западной Европы, поэтому он нашел серьезное методологическое обоснование в трудах зарубежных ученых. Среди трудов российских исследователей, пытающихся рассмотреть названный феномен и проанализировать зарубежную историографию по этой проблематике, следует назвать монографию Ю. Грибер и Г. Майна «Градостроительная живопись: анализ американской и европейской традиций» [Грибер, Майна, 2014]. Исследователи обращают внимание на цвет в архитектуре города как ресурс джентрификации.

4. Власть – горожанин – эксперт: существуют ли различия в репрезентативных практиках городского пространства?

Общественные и социальные отношения в городе исторически были разграничены по сословному, имущественному, этническому и целому ряду других признаков, в зависимости от исторической эпохи и политической ситуации. Подобные разграничения, хотя и с более размытыми границами, сохраняются и в современном городе. Но во все времена главной причиной поляризации были различия в сфере

частной и публичной жизни. В указанных сферах городской жизни действуют разные регуляторы социального поведения. Носители власти осуществляют свою деятельность в сфере публичной жизни, где основными механизмами взаимодействия являются нормативные акты, безличные правила. Кроме того, власть использует город, а значит и горожан как ресурс (экономический, политический или культурный). В основе репрезентативных практик носителей власти лежат показатели роста благосостояния **города**, а не **горожанина**. Хотя, конечно, эти показатели взаимосвязанные и взаимозависимые.

Центром частной жизни является квартира горожанина. Социологи замечают, что горожане оценивают ситуацию в городе через призму удовлетворенности собственными жилищными условиями. Публичная жизнь горожан протекает в офисах, за университетскими кафедрами, в цехах предприятий, на улицах.

Заметим, что институты публичной жизни, а значит и власти, более динамичны. Таким образом, репрезентативные практики горожан регулируются двойной системой координат. Гармоничное сосуществование этих систем обеспечивает социальный порядок в городе. В случае смещения частных и публичных практик в ту или иную сторону организация социальной жизни в городе может дать сбой.

Что касается репрезентации городского пространства с позиции эксперта, то здесь, на наш взгляд, всё зависит от того, с какой целью и по чьему заказу будет осуществляться экспертиза.

5. «Здесь будет город-сад»: какова роль утопии в современном городе?

Поэтическое высказывание «Здесь будет город-сад» вполне может быть не утопическим допущением, но программой к действию. Попытки создать идеальный город предпринимались уже неоднократно. Среди российских аналогов первым приходит на ум проект «Сколково».

Идеальный город будущего, в понимании руководителей проекта, должен одновременно соответствовать принципам четырех «Э» – экологичности, эргономичности, энергоэффективности и экономичности [Вексельберг, 2011]. Замечательные устремления по созданию самодостаточной инновационной городской среды, к которой будут созданы комфортные условия для проживания и работы.

В городе с продуманной многофункциональной застройкой и уникальной транспортной системой, с природными источниками энергии, экологичным городским ландшафтом и легким доступом ко всем услугам будут жить молодые талантливые ученые-инноваторы. Невольно встает вопрос: а будет ли место в этом городе родителям «молодых инноваторов», их друзьям и близким, которые по ряду характеристик не подходят под идеальный образ «талантливого инноватора»?

Формулу успеха организаторы проекта видят в тесном взаимодействии бизнеса и науки. И это замечательно, когда научные открытия имеют скорейшее практическое воплощение! Но при этом речь идет о научных открытиях в приоритетных отраслях модернизации экономики России, которые могут воплотиться в полезные для человека и человечества продукты и технологии. Но на наш взгляд, за бортом «идеального города» остаются науки, направленные на формирование духовно-нравственных качеств личности.

Исторический опыт показывает, что создать идеальное государство, или город-государство, на отдельно взятой территории пока не удавалось. Но процесс его создания, стремление к этому может стать важным стимулом экономического, научного и культурного роста.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Вексельберг В. У «Сколково» есть все шансы стать идеальным городом // *Журнал о «Сколково» и городской среде*. 2011. Сентябрь. С. 3.

Грибер Ю., Майна Г. Градостроительная живопись: анализ американской и европейской традиций: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2014. 132 с.

Потанина Н.Л., Гололобов М.А. Городской текст как теоретическая проблема // *Филологическая регионалистика*. 2012. № 1(7). С. 33, 32–37.

REFERENCES

Veksel'berg V. U «Skolkovo» est' vse shansy stat' ideal'nym gorodom [Skolkovo has every chance to become an ideal city], in: *Zhurnal o «Skolkovo» i gorodskoj srede*. 2011. September. P. 3 (in Russian).

Griber Ju., Majna G. *Gradostroitel'naja zhivopis': analiz amerikanskoj i evropejskoj tradicij: monografija* [Urban planning: an analysis of American and European traditions: a monograph]. Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2014. 132 p. (in Russian).

Potantina N.L., Gololobov M.A. Gorodskoj tekst kak teoreticheskaja problema [Urban text as a theoretical problem], in: *Filologicheskaja regionalistika*. 2012. № 1(7). P. 33, 32–37 (in Russian).

Город как многозначный текст

М.В. Братолюбова

1. Что можно понимать под городским «текстом» и конструированием городских смыслов?

Исследователи отмечают, что, несмотря на разнообразие изысканий, понятие «городской текст» до сих пор не разработано, выбор определяется методологической моделью исследователя.

Город – многозначный текст культуры, воплощенный в разных формах культурной памяти: книги, тексты, памятные знаки, памятники и др. Выявление его структуры, смысловых особенностей, контекста – процесс субъективного восприятия. При переходе текст трансформируется, меняется его информационное поле. Утрата или приращение смыслов и значимости зависят от способов интерпретации, что обеспечивает открытость для прочтения культуры во времени и пространстве.

Осмысление города как текста расширяет представления о символическом пространстве культурной памяти города. Изучение специфики семиотического пространства города как текста культуры открывает перспективы комплексного осмысления культурного контекста городских процессов, технологического подхода к воздействию на культурные процессы развития города.

Братолюбова Мария Викторовна, кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42, mvbratolyubova@sfned.ru.

Bratolyubova Maria V., Candidate of Science (History), Associate Professor at the Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, mvbratolyubova@sfned.ru.

2. Неизбежно ли развитие мегаполисов как центров экономической и социокультурной жизни? Какова роль в этом процессе новых средств связи и коммуникации?

Развитие мегаполиса как центра экономической и социокультурной жизни неизбежно. Мегаполис, являясь сложным социальным организмом, помогает составить наиболее достоверный образ современного социума. В мегаполисе сконцентрированы промышленность, деловая активность, информационно-коммуникативные связи, административные функции, культурные ценности и прочие ресурсы. Как и любой город, мегаполис имеет особое социокультурное пространство – интеллектуальное, языковое, коммуникационное.

Есть достаточные основания полагать, что на сегодняшний день интернет-медиа представляют собой одно из самых востребованных и перспективных средств массовой коммуникации в мегаполисе. Это утверждение базируется на нескольких очевидных обстоятельствах: большинство интернет-медиа сочетают в себе все разнообразные типы информации: текстовую, визуальную, аудиальную, которые одновременно воздействуют на различные системы восприятия; они эффективно решают проблему двусторонней коммуникации, сокращают разрыв между отправителем информации и реципиентом; благодаря возможности создания пользовательского контента интернет-медиа во многом являются самоорганизующимся явлением.

3. Возможна ли джентрификация в городе? Каковы методологические подходы к данному феномену?

Однозначно оценить, является ли джентрификация универсальным инструментом для городской политики, довольно трудно: его позитивные эффекты идут бок о бок с негативными последствиями.

С одной стороны, городу нужна «свежая кровь», а приток новых жителей содействует улучшению экономической ситуации (в частности, развитию местного бизнеса), преобразению района за счет вливания средств в недвижимость и благоустройство местности, оживлению сообщества. Облагораживаются скверы, обновляются дороги, заселяются прежде пустые здания.

В то же время наиболее очевидное последствие подобного бурного экономического роста и инфраструктурного развития – это повышение стоимости недвижимости, в связи с чем для многих «старожилов» жилье становится слишком дорогим. Одна из причин – перестройка зданий, которую устраивают новые жители и которая влечет за собой повышение налогов. Это ведет к тому, что как местные жители, так и местные предприятия вынуждены покидать район. Необходимость смены места жительства ведет к росту числа бездомных, повышению уровня преступности, поляризации общества и увеличению количества маргиналов.

Одним из больших минусов джентрификации может оказаться неконтролируемое изменение архитектурного облика района, реализуемое с целью создания элитных жилых комплексов.

С другой стороны, у джентрификации есть и положительные моменты, которые не позволяют оценивать это явление в исключительно негативном ключе.

4. Власть – горожанин – эксперт: существуют ли различия в репрезентативных практиках городского пространства?

Практика городского планирования в России от передовых практик отстает на десятилетия. Не только потому, что многие концепции современного градостроительства у нас неизвестны, но и потому, что их воплощение требует другой институциональной среды. Институциональная среда устроена так, что многие решения принимаются в кулуарах, теневыми методами, а не за счет качества архитектурного подхода. Городское планирование зачастую становится частью идеологического проекта посредством формулирования целей и задач социального развития города, а также репрезентаций пространства.

Городская среда не может быть высококомфортной, если она проектируется, формируется, развивается без участия граждан. Ключевым вектором в идеологии развития города должна стать стратегия создания модели жизни, обеспечивающей человеку защиту интересов, не учитываемых при реализации крупных городских проектов, оказание социальных услуг в тех сферах, где государство демонстрирует недостаточную состоятельность, а бизнес проявляет избирательную заинтересованность. Необходим доступ людей к со-проектированию публичных пространств города, участие в создании практик со-проектирования является первым шагом к улучшению гражданской жизнедеятельности.

5. «Здесь будет город-сад»: какова роль утопии в современном городе?

В сегодняшних попытках реализовать в России теорию города-сада чувствуется подражание не только сельскому образу жизни, но и домам зажиточных предков. Некоторые загородные жилища наших состоятельных современников напоминают недорогие дома столетней давности. Возможно, таким образом воплощается мечта властей, упущенная столетие назад, когда рабочих, недавних крестьян, капиталисты планомерно переселяли из бараков и казарм в отдельные пригородные дома.

Город и противоречия градостроительных практик

Т.А. Батырова

1. Что можно понимать под городским «текстом» и конструированием городских смыслов?

Горожане, ощущающие место своего жительства как место комфортного (не?)существования, выдают персонифицированные характеристики города, смешивающиеся в коктейль субъективных ощущений, переживающих это пространство сознаний. Объективные измеряемые характеристики городского пространства сплавляются с этим нематериальным потоком в образе города, придавая ему иллюзию одушевленности. Эта иллюзорная одушевленность встраивается в городской текст слоем локальной идентичности, оказываясь основой того самого «бренда города», о котором так много говорят и который все ищут. Текст города, составленный из объектов городской среды, как текст романа из слов, подчиняется градостроительной иерархии деления на общественные, жилые территории, пром, рекреации и транспортную инфраструктуру. Улицы – площади – бульвары – парки – набережные и здания, образующие город, существующие не только как физические объекты, но и как социокультурные ориентиры, меняют смысловое содержание вместе с переменной мест притяжения и привычных функций в зависимости от исторических и политических приоритетов. В то же время физические параметры городской среды, сохраняя исторические образы, провоцируют вложение понятных для нового поколения смыслов в городские объекты. Конструированию смыслов способствуют локальные городские сообщества, рожденные цифровой революцией. Мгновенный обмен информацией позволяет создавать действенную систему шагов по решению конкретной городской проблемы. Подключение к таким сообществам, желающим придать новые смыслы существующим городским пространствам, специалистов: архитекторов, инженеров, социологов, маркетологов – позволяет оценить и грамотно сформировать запрос на воплощение персонифицированных характеристик в реконструкцию городских пространств.

Батырова Татьяна Александровна, член правления Ростовского отделения Союза архитекторов России, г. Ростов-на-Дону, tati-bt@mail.ru.

Batyrova Tatiana A., Member of the Rostov Branch Board in the Union of Architects of Russia, Rostov-on-Don, tati-bt@mail.ru.

2. Неизбежно ли развитие мегаполисов как центров экономической и социокультурной жизни? Какова роль в этом процессе новых средств связи и коммуникации?

Модное сегодня в России направление поляризованного развития пространства имеет очевидную, на первый взгляд, перспективу развития из-за миграционного притока населения в мегаполисы. Центр стратегических разработок РФ видит развитие России в создании 15 агломераций (надо полагать административными методами). Мировой опыт создания агломераций говорит о «ненасильственном» создании агломераций – зон сплошной урбанизированной застройки, возникающих как полицентрические модели. В то же время происходит и обратный процесс – отток населения из городов в сельскую местность – деурбанизация. Новые технологические возможности постиндустриального общества позволяют предположить наличие такой тенденции и в России. Здесь могут играть роль минусы существования в сверхплотных поселениях в виде экологических проблем, проблем трафика внутри системы, санитарных проблем, социальных проблем, высокой стоимости жизни. Развитие транспортной инфраструктуры ускоряет перемещение на значительные расстояния, информационное пространство упрощает общение и обмен информацией, позволяет получать образование дистанционно и работать удаленно. На первый план выходят плюсы существования для активных групп населения на деурбанизированных территориях: экологическое благополучие и близость к природе, собственное жилье, возможность фриланса, более низкая стоимость жизни и замедление ее темпа, личная безопасность. Запросы на такие изменения повседневного быта порождают создание поселений, соответствующих уровню технологий XXI в.: количество экопоселений в России уже вышло за пределы 400; построен на частные инвестиции малоэтажный город Доброград во Владимирской области в 12 км от Коврова, встроенный в существующую экосистему и оказывающий минимальное влияние на окружающую среду. Возможны и другие формы реализации центростремительных тенденций при выработке релевантных способов проектирования будущего.

3. Возможна ли джентрификация в городе? Каковы методологические подходы к данному феномену?

Джентрификация территории возможна при возникновении интереса к ней со стороны активных образованных молодых горожан, желающих освоить выбранный район и перестроить его под свои нужды. Джентрификация – не изолированный процесс, а совокупный результат действий государственной политики в области реконструкции городской среды в изношенном городском центре и рыночных механизмов, проявляющийся в виде перестройки старого жилья под нужды заказчика, создания для него же новой инфраструктуры и миграции разных слоев населения в центр – из центра. Как и ее антипод – маргинализация территорий, джентрификация явление социальное. Можно спорить об этичности выдавливания коренных

жителей с освоенных ими территорий, но несомненным плюсом этой тенденции является создание качественной городской среды в общественном пространстве улиц и частном пространстве обновленных жилых зданий. Российский вариант джентрификации – московская Остоженка не вполне вписывается в западные схемы. Снос исторической застройки и возведение нового элитного жилья по проектам известных архитекторов создало «озаборенные» пустынные музейные кварталы современной архитектуры, интересные студентам-архитекторам. Наверное, стоит засушивать осенние листья старинных зданий с дерева цивилизации в книгу города, чтобы среда обитания была более дружелюбна к своим согражданам, но проблему социального неравенства, следствием которой и является джентрификация, это не решает. Видимо, государство все-таки осознало, что качественной городской среды достойны все граждане, проживающие на территории, свидетельством этому – программа «Благоустройство городской среды», запущенная в 2017 г. в России.

4. Власть – горожанин – эксперт: существуют ли различия в репрезентативных практиках городского пространства?

Само понятие «пространство» предполагает объемное восприятие города. Этот объем формируется из множества маленьких кубиков-проблем, которые складываясь создают многозначность, именуемую городом. Каждый из названных участников градостроительного (градоУстроительного?) процесса (добавив участие бизнеса) на этой территории власть – бизнес – горожанин – эксперт, смешивая кубики проблем, выстраивает их в присущей ему логике. Логика власти требует упорядоченности существования на территории; логика бизнеса – использование прибавочной стоимости территории; логика горожанина – создания комфорта и защищенности; логика эксперта – соответствия использования территории нормам и правилам, принятым в стране. В постиндустриальный период безотносительно социологических теорий меняются традиционные формы использования территорий. Меняется схема функционального зонирования, сдвигаясь в сторону от привычного анализа труда и организационного развития к становлению новых досуговых практик и структурированию городского пространства в контексте использования свободного времени. Градостроительные практики перестают подчиняться логике формирования селитебных территорий при местах приложения труда. Переход экономики от индустриальной к информационной открывает новые рынки товаров и услуг с акцентом на производстве услуг. Переход к новым моделям развития требует более тесной координации функций планирования со всеми участниками процесса развития территорий. Формирующиеся городские сообщества начинают активно влиять на принятия решений властью – бизнесом – экспертами. Связка власть – бизнес – горожанин – эксперт становится необходимым элементом для выработки стратегического видения развития территорий.

5. «Здесь будет город-сад»: какова роль утопии в современном городе?

Мечта «здесь будет город-сад» воплотилась в конструктивистских постройках. Построенная мечта перестала быть мечтой и превратилась в «общую площадь», определяющую пригодность здания для арендатора. Но утопия как проект мечты имеет вектор вперед, в будущее. Прикладной смысл ее визуализированных кодов – в возможности сбываться (при определенных условиях). Время цифровых технологий приближает утопию к реальности. Цифровые миры стоят на пороге наших городов. В творчестве современных архитекторов прослеживается стремление выйти за пределы академической линейности творчества и всевозможных клише. Схема творчества предстает сложной структурой с множеством ответвлений и метауровней, включающих контекстуальные, пластические, пропорциональные и фактурные решения, кинематографические технологии, используемые в архитектурном проектировании при макетоскопировании. Современное архитектурное сооружение – это гипертектоническая структура, проецирующаяся в реальное, виртуальное, символическое, информационное пространство. Горожане – пользователи этих пространств переносятся в мир иллюзии, мир мечты в тот момент, когда переступают через порог такого объекта. Так утопия соприкасается с реальными городскими мирами, втягивая пользователей в воронку пространственных сопереживаний.